

УДК 94(470+571)«1941/1945» + 81'22
ББК ТЗ(2)622-7 + Ш100.2

СЕМИОТИКА СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.А. Дыдров, Р.В. Пеннер

Данная статья посвящена советскому плакату времен Великой Отечественной войны. Плакатное искусство является одним из важнейших объектов семиотики. Семиотический подход подразумевает работу и с планом выражения, и с планом содержания. В советском военном плакате, во-первых, воплощено неразрывное единство вербальных и невербальных сообщений, а во-вторых, взаимодействуют различные коды. Особого внимания заслуживают коды риторики и истории, а также акциональный код, выделенные Р. Бартом в ходе анализа новеллы Э. По.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, плакат, семиотика, знак, код, план выражения, план содержания.

Знак, по определению Р. Барта, – это «срез (двусторонний) звукового, визуального и т.п. материала» [3, с. 271]. Такая трактовка знака позволяет высказать, в общем, разделяемое семиологами мнение: знак – посредник вербальной и невербальной коммуникации. Изображение тоже нечто значит, «передает» зрителю некий смысл. В конце концов, следовало бы согласиться с Р. Бартом в том, что любой предмет можно наделить значением [2, с. 73]. Невербальная знаковая система так же, как и вербальная, поддается дешифровке. Во «Введении в структурный анализ повествовательных текстов» Р. Барт указывал на сложность, возникающую в связи с декодированием изображения: «Намного проще “расчлени” некоторое движение при повествовании о нем, нежели при его визуальном изображении» [1, с. 228]. В «Мифологиях» о специфике изображения французский структуралист и постструктуралист писал: «Изображение, конечно, более императивно, чем письмо. Оно навязывает свое значение целиком и сразу ..., не дробя на составные части» [2, с. 74].

Даже если изображение удалось «расчлени», остается трудность перевода одной семиотической системы на язык другой. Ю.М. Лотман в работе «Внутри мыслящих миров» указывал на эту трудность: «“Резерв” новизны возникает в том случае, если исследователь работает с двумя взаимонепереводимыми системами» [7]. Иными словами, семиолог в этом случае вынужден ограничиться интерпретацией смысла того или иного сообщения. «Препарировать» изображение, обстоятельно изучив при этом каждый его орган, по-видимому, невозможно или, по крайней мере, чрезвычайно трудно. Подробнее об этом писал Б.А. Успенский в работе «Семиотика иконы» [9].

В любую историческую эпоху общество делает свой вклад в «архив» семиосферы. В переломные моменты истории (войны, революции) на семиозис влияют тревога за ближнего и дальнего, страх перед смертью, перед лицом грядущей опасности, катастрофы. Знаки указывают на пертурбации, происходящие во внутреннем мире человека и в социальном целом. Великая Отечественная война – не только крупнейшее событие Второй мировой войны, но и символ сильнейшего напряжения сил народа, самопожертвований, лишений, страданий и, наконец, долгожданной победы советского государства.

В искусстве переломных эпох пертурбации, происходящие с человеком и обществом, не могут не отражаться. Это, пожалуй, один из серьезнейших аргументов в пользу признания всех без исключения произведений искусства историческими источниками. Энергия, аккумулируемая социальным целым, находит выход в литературе, кинофильмах, музыке и, конечно, в изобразительном искусстве. Агитационный плакат – один из наиболее любопытных продуктов идеологии, в котором сочетаются рисунок и графика, проза и поэзия.

И советский, и немецкий плакаты, как и любые иные изображения, в представлении семиолога, являются многоплановыми. Еще Б.А. Успенский в работе «Семиотика иконы» утверждал, что к предмету «старого» искусства правомерно подходить как к предмету дешифровки [9, с. 221]. Несмотря на то, что нам не известна та действительность, что служила предметом изображения, работа с планом выражения представляется возможной. Сказанное Б.А. Успенским об иконе справедливо и в отношении к «новому» искусству, в частности, к плакату, как нередко сочетающему принципиально различные знаковые элементы. На многих плакатах имелись надписи, которые, на первый взгляд, могли рассматриваться изолированно от образа, как самостоятельные произведения. Например, следующее короткое стихотворение:

*Самед на смерть идет, чтоб не погиб Семен,
Собою жертвует Семен за жизнь Самеда ...
Пароль их «Родина» и лозунг их «Победа»!*

На плакате 1941 г. художника «Боевого карандаша» В.А. Серова была следующая надпись:

*Верные долгу и чести,
Края защищая свои,
С отцами и братьями вместе
Идут ленинградки в бою.*

Понятно, что указанные стихотворения играют роль подписей, комментариев, указателей. И это, кстати, ничуть не принижает художественной ценности поэтического произведения. Тем более, изображение, в свою очередь, является иллюстрацией, комментарием к обозначенному выше стихотворению.

Такой лаконичный призыв, как «Смерть немцам-душегубам!», невозможно изолировать от изображения, поскольку это сообщение, помещенное в иной контекст, могло быть, например, лозунгом националистов. Словосочетание «удар с сердца» может указывать на переживание неразделенной любви, предательство, в конце концов, на фехтование, но вовсе не обязательно на поражение гитлеровской Германии и на события апреля–мая 1945 г. Даже призыв «Дружинницы Красного Креста! Не оставим на поле боя ни раненого, ни его оружия», смысл которого, кажется, не нуждается в каких-либо пояснениях, имеет определенность только в сочетании с изображением.

Вербальное сообщение может существовать изолированно от изображения, что доказывает его относительную самостоятельность. Если речь идет, например, о таком сообщении, как «Фашизм – злейший враг женщин. Все на борьбу с фашизмом!», то о нем, взятом в отдельности, позволительно высказать некоторые суждения: в сообщении говорится о сложнейшем историческом явлении, о том, что оно противно природе женщин и с ним необходимо бороться. Это историческое явление прочно связано с именами А. Гитлера и Б. Муссолини, осью Берлин – Рим – Токио, концентрационными лагерями, дискриминацией и геноцидом. Однако, в сочетании с изображением женщины в красном платье и красной косынке, принявшей позу, напоминающую о монументе В. И. Мухиной или о «каноническом» плакате И.М. Тоидзе (1941 г.), сообщение получает завершенность: речь идет о советской женщине, за спиной которой руины, пожар, тело убитой и согбенная фигура рыдающей женщины. Напротив, если бы вербальное сообщение отсутствовало, идентификация явления фашизма была бы затруднительной. Плакат мог бы иллюстрировать, например, ужасные последствия неосторожного обращения с огнем.

Плакат, как и любой текст, является средоточием различных кодов, или, по выражению В.Н. Степанова, имеет «поликодовый характер» [8, с. 99]. Важной характеристикой кода, по мнению В.Н. Степанова, является способность управлять процессом познания адресата, задавать направление этого процесса и ограничивать его ход, определяя границы множества векторов [8, с. 93]. В плакат, как и в любой другой текст, «вплетены» нити иных текстов [5, с. 83].

Одним из часто используемых в плакатном искусстве кодов был код истории. Он выражался в прямых отсылках к именам исторических деятелей («Бьемся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева»), в изображении «типовых» персонажей (богатырь на плакате «Во имя Родины», 1943 г.), в подписях к изображениям (надпись «вперед, богатыри!» на том же плакате), в аллюзиях на классические произведения и канонические сюжеты (на одном немецком плакате изображена женщина, кормящая младенца) и т.д.

Безусловно, плакат – не средство реконструкции исторических событий, не «учебник» истории. Код истории в «тексте» плаката, как правило, прочно связан с риторическим кодом. Сочетание этих кодов порождает эффект преемственности, прочной связи прошлого с настоящим. Время словно «притягивается» к переживаемому событию, течет ради него, бежит к нему. Риторика перемалывает историю, сохраняя лишь необходимую «выжимку». Ритор, в определенном смысле, играет с событиями, манипулирует явлениями, процессами и хронологией. На одном плакате бок о бок идут в бой богатырь, генералиссимус и начальник дивизии Рабоче-крестьянской Красной армии. Невзирая на эклектизм, можно утверждать, что композиционное единство силуэтов исторических деятелей вполне оправданно и порождает эффект «сгущения» эпох. Благодаря коду риторики, композиционное единство так же образуют фигуры богатыря и пулеметчика-красноармейца. Их изображения маркированы восточнославянским «богатырь», неразрывно связанным с древнетюркским «baγatır», турецким «batur», венгерским «bator» и т.д.

Напоследок необходимо обратить внимание и на акциональный код. Если в литературных произведениях акциональный код, по выражению Р. Барта, «поддерживает фабульный каркас», то в содержании плакатов времен войны код действия неразрывно связан с необходимостью вовлечь зрителя в те или иные события переломной эпохи. Таковыми являлись хрестоматийные «Родина-мать зовет» И. Тоидзе и «Ты чем помог фронту?» Д. Моора. Последний из указанных плакатов – воплощение неприкрытой аллюзии Д. Моора на собственный плакат, написанный в 1920 г. Призывает к действию и девочка, предварительно констатируя, что ее папа – герой. Акциональный код выражается и в обозначении действий другого: «идут ленинградки в бои», «бьемся мы здорово, колем отчаянно». Наконец, в пределах акционального кода еще одной вариацией является приказ или просьба воздержаться от каких-либо действий. В данном случае можно вспомнить о хрестоматийном «Не болтай!» 1941 г. Неразрывное единство обозначенных вариаций – содержание кода действия. По крайней мере, сказанное вполне справедливо для военного плаката. В определенном смысле, код действия – стержень идеологии в эпохи войн или революций.

Рассмотрение нами кодов истории, риторики и действия, конечно, не исчерпывает и не может исчерпать богатств планов содержания и выражения военного плаката. Являясь «поликодовым», плакат должен был дойти до своего адресата, обратиться к нему, призвать, потребовать, побудить. Военный плакат можно сравнить и с воззванием, и с декларацией. Плакат, как уже говорилось, заставляет человека быть и зрителем, и читателем. В плакате история «свернута» и приправлена риторикой. Акциональный код, в свою очередь, – основа плаката как «программы» действия.

В заключение приведем слова одного ветерана, указывающие на уникальность плаката как информационного агента: «Распространяемые

в глубоком тылу немцев плакаты – это весточка великой Родины, напоминание о том, что друзья близко. Население, лишенное советского радио, советской печати, сплошь и рядом узнает правду о войне из этих неизвестно откуда появившихся плакатов ...» [4]. Попытки «преследования» и тем более «покорения» (такова этимология слова «война») нацистами советского народа не увенчались успехом [6, с. 101].

Сложное взаимодействие кодов «текста» каждого военного плаката и видимый результат этого взаимодействия стали одним из катализаторов духовного подъема советского народа. Вовсе не код науки, а именно акциональный, исторический и риторический коды внесли свою скромную лепту в победу, воздействуя на ценностный мир многих советских граждан. Всматриваясь в изображение на плакате, не искали истины. Плакат – элемент семиосферы, посредник, который де-факто оказался чем-то неизмеримо большим. Несмотря на то, что советский плакат являлся информационным агентом наряду с другими агентами, он все же занимает особое положение. В плакате прочно соединяя фиксированное слово с изображением, совмещая экономию плана выражения и богатство плана содержания.

Библиографический список

1. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму – М.: Прогресс, 2000. – С. 196–238.
2. Барт, Р. Миф сегодня / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 247–311.
4. Бусыгина, Е. Советский плакат Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Е. Бусыгина. – URL: <http://graphic.org.ru/plakat-sel.html>.
5. Дыдров, А.А. Человек будущего в трансгуманизме: семиотический анализ концепции о неочеловеке / А.А. Дыдров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т. 14. – № 2. – С. 81–84.
6. Калмыкова, Е.Л. Понятийные признаки концепта «война» и их вербализация в паремиях (на материале лексико-графических источников) / Е.Л. Калмыкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2011. – № 22 (239). – С. 100–102
7. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – М.: Азбука, 2014. – 416 с.
8. Степанов, В.Н. Семиотические коды в рекламном тексте / В.Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе. – 2010. – № 2. – С. 92–100.
9. Успенский, Б.А. Семиотика иконы / Б.А. Успенский // Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 221–296.

[К содержанию](#)